

Н. М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

Николай Карамзин

История государства Российского

«Просвещение»

1815

Карамзин Н. М.

История государства Российского / Н. М. Карамзин —
«Просвещение», 1815

В предлагаемом издании читатель может ознакомиться с наиболее интересными эпизодами «Истории Государства Российского», написанной писателем и историографом Н. М. Карамзиным по поручению Александра I. Создавая картину жизни и быта Руси — от древних славян до Смутного времени, — автор опирается на обширный исторический материал. Свыше двух десятилетий посвятил Карамзин своей многотомной книге. В 1816–1829 гг. она была впервые напечатана, и русское общество с огромным интересом познакомилось с историей собственной родины. Но за пять лет до начала публикации «Истории», в 1811 г., по просьбе сестры императора Александра, великой княгини Екатерины Павловны, Карамзин создает трактат (Записку) «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Подчеркивая, что «настоящее бывает следствием прошедшего», Карамзин анализирует события русской жизни и оценивает итоги десятилетней деятельности Александра I. Оценка эта носила довольно критический характер, и, очевидно, поэтому трактат Карамзина не был обнародован в XIX веке.. Прошло более ста лет, прежде, чем он увидел свет. Мы приводим этот интересный документ Карамзина для сведения читателей. Книга богато иллюстрирована, что создает более объемное представление о событиях и героях описываемой эпохи. Для тех, кто интересуется историей нашей Родины, для массового читателя.

© Карамзин Н. М., 1815

© Просвещение, 1815

Содержание

О Славянах и других народах, составивших Государство Российское	7
О физическом и нравственном характере Славян древних	18
Рюрик, Синеус и Трувор. 862–879 гг.	41
Олег-правитель. 879–912 гг.	44
Князь Игорь. 912–945 гг.	48
Князь Святослав. 945–972 гг.	54
Великий Князь Владимир. 980–1014 гг.	65
Великий Князь Святополк. 1015–1019 гг.	78
Великий Князь Ярослав. 1019–1054 гг.	80
Великий Князь Изяслав. 1054–1077 гг.	88
Великий Князь Всеволод. 1078–1093 гг.	93
Великий Князь Святополк-Михаил. 1093–1112 гг.	95
Владимир Мономах. 1113–1125 гг.	103
Великий Князь Мстислав. 1125–1132 гг.	108
Великий Князь Ярополк. 1132–1139 гг.	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Н. М. Карамзин

История государства Российского

О Славянах и других народах, составивших Государство Российское

Нестор пишет, что Славяне издревле обитали в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии Болгарами, а из Паннонии Волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей – проповедуя в Скифии имя Спасителя, доходил до Ильменя и нашел там Славян: следственно, они жили в России уже в первом столетии.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых воинах Траяновых в Дакии, и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного Императора.

Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались Полянами от чистых полей своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского. От сего же племени Славян были два брата. Радим и Вятко, главами Радимичей и Вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской Губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской Губернии; Дулебы и Бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея города в земле своей; Белые Хорваты в окрестностях гор Карпатских; Северяне, соседи Полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской Губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, Дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, Кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними Полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые Славяне, которые после Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени Летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трех горах, из коих две слывут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) Зборичев взвоз. Они были мужи, знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. Киевом. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как скажут, в Константинополь и приял великую честь от Царя Греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители Дунайские не дали ему там утвердиться, и доныне именуют сие место городищем Киевцом. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях. Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест в названия людей. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что Славяне Киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов Россиян в Грецию.

Русский монах-летописец

Одежда славян

Кроме народов Славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие ино-племенные: Меря вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; Муром на Оке. где сия река впадает в Волгу; Черемиса, Мещера, Мордва на юго-восток от Мери; Ливь в Ливонии; Чудь в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; Нарова там, где Нарва; Ямь, или Емь, в Финляндии; Весь на Белеозере; Пермь в Губернии сего имени; Югра, или нынешние Березовские Остяки, на Оби и Сосве; Печора на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с Россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их народами единоплеменными и называть вообще Финскими. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины Европейского Севера на Восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена Финнов.

Золотые ворота в Константинополе. V в.

Гонец. Восстал род на род. Худ. Н. Рерих

Финны Российские, по сказанию нашего Летописца, уже имели города: Весь – Белоозеро, Меря – Ростов, Муром – Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (в Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Прусами составляют народ Латышский.

Многие из сих Финских и Латышских народов, по словам Нестора, были данниками России: должно разуместь, что Летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею Европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении Древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных Славян на тихих Полян Киевских, которые более наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Сие междоусобие предавало Славян Российских в жертву внешним неприятелям. Обры, или Авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и Дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен Славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, великие телом и гордые умом (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской. Скоро явились другие завоеватели: на юге – Козары, Варяги на Севере.

Козары, или Хазары, единоплеменные с Турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря. Еще с третьего столетия они известны по Арменским летописям: Европа же узнала их в четвертом веке вместе с Гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях Астраханских. Атила властвовал над ними: Болгары также, в исходе V века; но Козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, Царь Персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской

и донныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являются в Истории Византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь Императору; два раза входят с ним в Персию, нападают на Угров, Болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков Козариею. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее Цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с Каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою Козарскою и стражу свою составили из сих храбрых Азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с Аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых Калифов.

Аланы. Вооружение воина Хазарского каганата

Хазарский воин

Рассеянные племена Славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Завоеватели обложили Славян данью и брали, как говорит сам Летописец, «по белке с дома». Славяне, долго грабив за Дунаем владения Греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от Императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями природы, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало Славян. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре, или Ателе (богатой и многочисленной столице, основанной близ Волжского устья Хозроем, Царем Персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие Азиатские варвары любили только разрушать города: но Козары тре-

бовали искусных зодчих от Греческого Императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле Козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли Веру Иудейскую, а в 858 [году] Христианскую... Ужасая Монархов Персидских, самых грозных Калифов и покровительствуя Императоров Греческих, Козары не могли предвидеть, что Славяне, поработенные ими, испровергнут их сильную Державу.

Дань славян хазарам. Миниатюра из летописи

Но могущество наших предков на Юге долженствовало быть следствием подданства их на Севере. Козары не властвовали в России далее Оки: Новгородцы, Кривичи были свободны до 850 года. Тогда – заметим сие первое хронологическое показание в Несторе – какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях Варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на Чудь, Славян Ильменских, Кривичей, Мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев Варяжских, от племени Русского, которые сделались первыми Властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться Русью. Сие происшествие важное, служащее основанием Истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор Варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России Варяжским: кто же в сие время – то есть в девятом веке – господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех Королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с Готфами. Они, под общим именем Норманов или Северных людей, громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве Свеонов или Шведов; еще в шестом веке Датчане приплывали к берегам Галлии: в конце осьмого слава их уже везде гремела. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые донныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец, основали Королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманы оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя верить баснословным Исландским повестям, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиєю, Гольмгардом и Грециєю: но Рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется *Girkia*, *Grikiä* или Россия), что Норманы давно имели с нею сообщение. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, Варяги овладели странами Чуди, Славян, Кривичей и Мери, не было на Севере другого народа, кроме Скандинавов, столь отважного и сильного, то мы уже с великою вероятностью заключить можем, что Летописец наш разумеет их под именем Варягов.

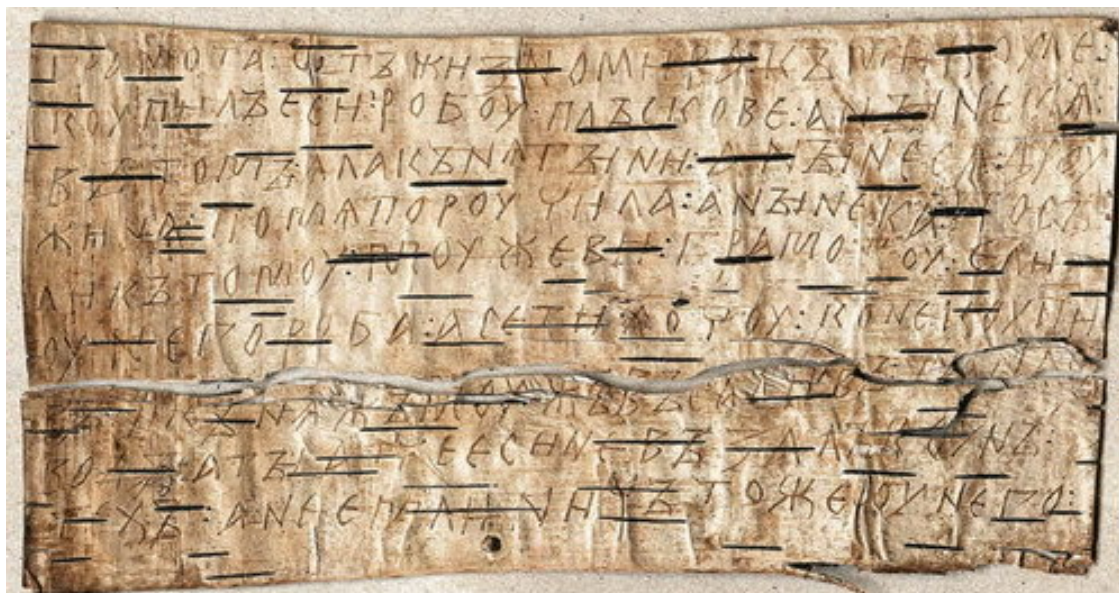

Нападение викингов на ирландский монастырь

Древние варяги сражались в наемных войсках

Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь Русью, дал отечеству нашему и первых Государей и само имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой? Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами; однако ж Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется Росскою, Roslagen. Финны, имея некогда с Рослагом более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доныне именуют всех ее жителей Россами, Ротсами, Руотсами.

Берестяная грамота – древний источник информации о жизни наших предков

Сообщим и другое мнение с его доказательствами. В Степенной Книге XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из Пруссии, где издавна назывались Курский залив Русною, северный рукав Немана, или Мемеля, Руссою, окрестности же их Порусьем. Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известиями древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между Латышами, они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее примениться к обычаям Славян Новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новгороде одна из многочисленнейших улиц называлась Прусскою.

О физическом и нравственном характере Славян древних

Древние Славяне, по описанию современных Историков, были бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, они сносили голод и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с необычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, Славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным Европейцам.

Известие Иорнанда о Венетах, без великого труда покоренных в IV веке Готфским Царем Эрманирихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных Славян Балтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым; но Славяне Дунайские, оставив свое древнее отечество на Севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностью торжествует над искусством долголетным. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем Полководце Славян; они имели Вожей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность Славян была столь известна, что Хан Аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска. Византийские Историки пишут, что Славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать в плен. Древнее оружие Славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах.

Одежда славян

Битва скифов со славянами. Худ. В. Васнецов

Вооружение славянских воинов. Реконструкция

Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость Славян в рассуждении Греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали Славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостью; умирали в муках и не отвечали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их. Таким образом Славяне свирепствовали в Империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных: ибо они – вместо того, чтобы пользоваться ими, – обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в Греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним Грекам;

обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и доныне весьма обыкновенное во всех Славянских. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление как за собственное. Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей Славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Славяне считали жен совершенными рабами; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их. Удаленные от дел народных, Славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так, при осаде Константинополя в 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних: ибо Славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду.

Рус

Дружина русов. X в.

Говоря о жестоких обычаях Славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам.

К описанию общего характера Славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах Славян Российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга: не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно Древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит История VI века о Славянах Дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых. Беспреданно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись. Думают, что Славяне узнали скотоводство только в Дакии; но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов Германских, Скифских и Сарматских, богатых скотоводством, Славяне, долженствовали издревле ведать сие важное изобре-

ние человеческого хозяйства. Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке Славяне питались просом, гречихой и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства. Мед был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец и сами разводили их. Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от Германских народов, т. е. закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцов иностранных.

Женщина-вятичка. Реконструкция М. Герасимова

Торг в стране восточных славян. Худ. С. Иванов

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностью в землях Славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу. В VIII веке Славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. В средних веках цвели уже торговые города Славянские: Виннета, или Юлин, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Померании и другие. Впрочем, торговля Славян до введения Христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Быв в Империи и видев собственными глазами изящные творения Греческих художеств, наконец строя города и занимаясь торговлею, Славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах Вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов и покрытые лаком; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием, и в Герцогстве Мекленбургском найдены в XVII веке медные истуканы богов Славянских, работы их собственных художников. Памятником каменосечного искусства древних Славян остались большие, гладко обделанные плиты, на которых выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города Славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом.

Не зная выгод роскоши, древние Славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая – удовольствие, и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посред-

ством слуха. Северные Венеды в шестом веке сказывали Греческому Императору, что главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, Славяне веселились, пели и забывали опасность.

Сцена из жизни восточных славян. Худ. С. Иванов

Сердечное удовольствие, производимое музыкаю, заставляет людей изъяслять оное разными телодвижениями: рождается пляска, любимая забава самых диких народов. По нынешней Русской, Богемской, Далматской можем судить о древней пляске Славян: она состоит в том, чтобы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топтать ногами. Народные игры и потехи, донныне единообразные в землях Славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски – остались также памятником их древних забав.

В дополнение к сим известиям заметим, что Славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в Арифметике, в Хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя тма, знаменующее 10 000, есть древнее Славянское. Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы.

Сей народ не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Каждое семейство было маленькою, независимую республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев; вместе также, предпринимая воинские походы, избирали вождей, хотя весьма ограничивали власть их и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Народное правление Славян чрез несколько веков обратилось в Аристократическое.

Первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Одни люди пользовались общею доверенностью в делах войны и мира.

Главный начальник, или Правитель, судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо Славяне воображали, что бог суда, Прове, живет в тени древних, густых дубов. Сии места и дома Княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король был главою ратных сил, но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир. Народ платил властителям дань, однако ж произвольную.

О Славянах Российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, которые имели для них силу законов писанных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости.

Общежитие рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве.

Славяне в VI веке поклонялись Творцу молнии, Богу вселенной. Анты и Славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умилишить обетами, приносили Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, Нимф, Демонов и гадали будущее. В новейшие времена Славяне поклонялись разным идолам.

Однако ж Славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно Белым Богом и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостию сих Мироправителей, Славяне Бальтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умилишить жертвами. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают, что Славяне заимствовали мысль о Чернобоге от Христиан, уподоблявших Дявола также сему зверю. Славяне думали, что гнев его могут укротить волхвы или кудесники. Сии волхвы, подобно Сибирским Шаманам старались музыкою действовать на воображение легковерных, играли на гусях, а для того именовались в некоторых землях Славянских Гусярами.

Перун и Велес

Между богами добрыми славился более прочих Святovid, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие Венды, но и Короли Датские, исповедуя уже Христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висела узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою.

Народ Рюгенский поклонялся еще трем идолам: первому – Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке; второму – Поревиту, коего значение неизвестно и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; третьему – Поренуту о четырех лицах и с пятым лицом на груди: он держал его правую рукою за бороду, а левую за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался Радегаст. Он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди; иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру.

Сива – может быть, Жива – считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Ратцебурге. Она представлялась одетою; держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть.

Между Ретрскими истуканами нашлись Германские, Прусские, т. е. Латышские, и даже Греческие идола. Бальтийские Славяне поклонялись Водану, или Скандинавскому Одину, узнав об нем от Германских народов, с которыми они жили в Дакии и которые были еще издревле их соседями. Венды Мекленбургские доныне сохранили некоторые обряды веры Одиновой. Прусские надписи на истуканах Перуна, бога молнии, и Парстуков или Берстуков, доказывают, что они были Латышские идола; но Славяне молились им в Ретрском храме, так же как и Греческим статуям Любви, брачного Генія и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции. Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры Числобога, Ипабога, Зибога или Зембога, и Немизы. Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось исчисление времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли. Третьего обожали в Богемии как сильного Духа земли. Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Золотой колт с изображением русалок

Хоровод в ночь на Ивана Купала. Худ. В. Иванов

Писатели, собственными глазами видевшие языческих Вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался Триглав. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, Припекала, означал, кажется, любострастие: ибо Христианские Писатели сравнивали его с Приапом; а третий Геровит, или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте и подле которого висел на стене золотой щит. Жители Вагрии особенно чтили Прова, бога правосудия, и Падагу, бога звероловства.

В России, до введения Христианской Веры, первую степень между идолами занимали Перун, бог молнии, которому Славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного Мировправителя. Кумир его стоял в Киеве на холме, и в Новгороде над рекою Волховом, был деревянный, с серебряною головою и с золотыми устами. Летописец именует еще идолов Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла и Мокоша, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с Греками упоминается еще о Волосе, которого именем и Перуновым клялись Россияне в верности, имев к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России Ладо: ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 Июня. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали Купала. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идолу языческому.

Изображение славянского языческого божества (Дажьбога?) на диадеме. XII в.

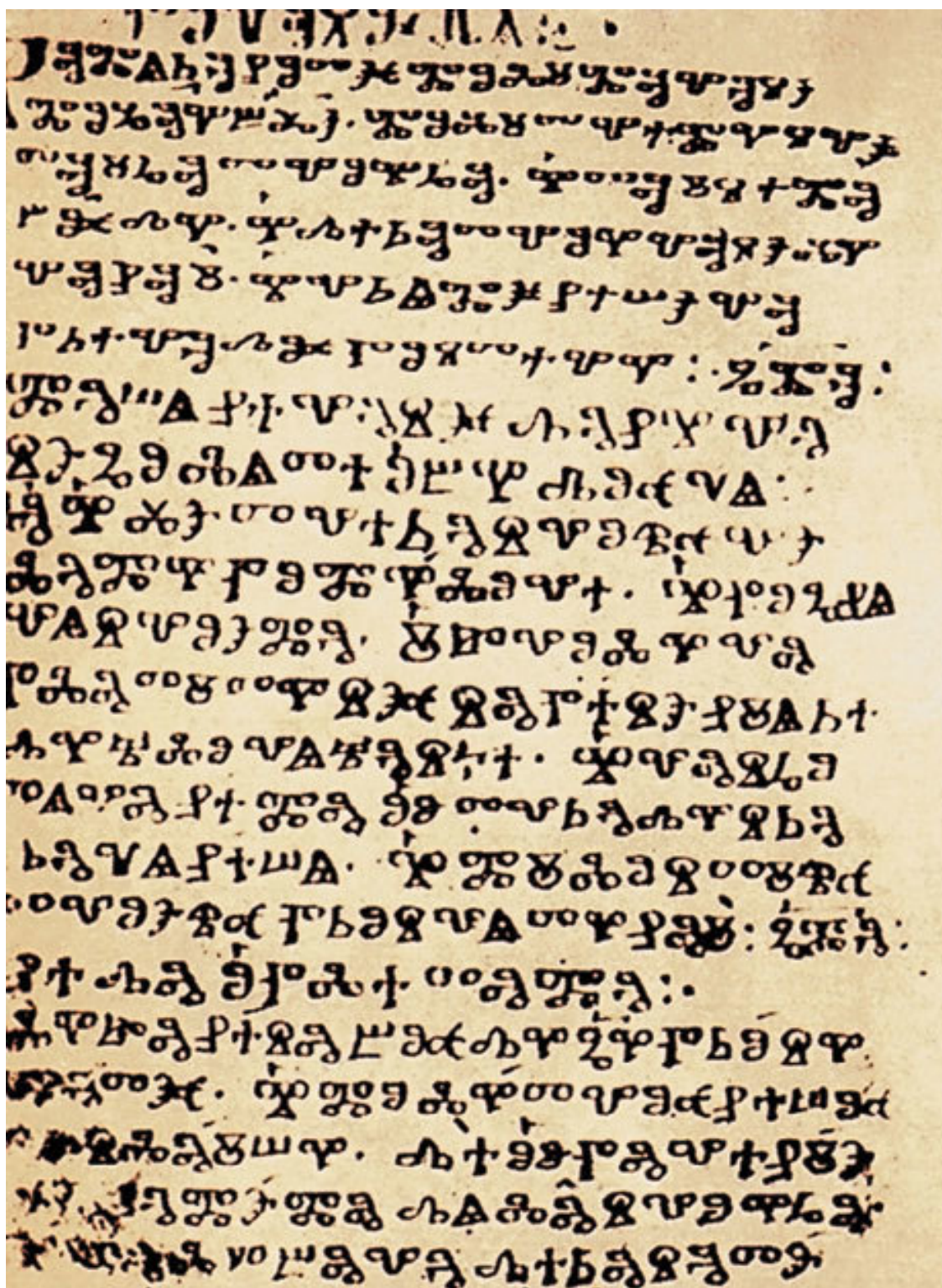
Похороны знатного руса. Худ. Г. Семирадский

Христиане и язычники. Худ. С. Иванов

24 Декабря язычники Русские славили Коляду, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются колядовать под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя Коляды и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа Русского открываем также некоторые следы древнего Славянского богопочитания: доныне простые люди говорят у нас о Леших, которые видом подобны Сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути; о Русалках, или Нимфах дубрав, о благодетельных и злых Домовых, о ночных Кикимрах и проч.

Глаголица. Рукопись X-XI вв.

Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя Бальтийских Вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с ней, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский Король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город. В Дитмаровой летописи упоминается о двух Славянских знаменах, которые считались богинями.

Древние Славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения олтареи камни в несколько сажень мерю. Жрецы, в присутствии и в глазах народа, совершали обряды Веры на сих величественных алтарях; но в течение времен, желая еще сильнее действовать на воображение людей, вздумали, подобно Друидам, удалиться во тьму заповедных лесов и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одною с ним кровлею. В святилище стоял идол, а конь его – в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности.

О капищах Славян Российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках. Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям. По крайней мере, все другие народы Славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестью людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных в маленьких хижинах и питались жертвою, приносимою их божествам.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена Славяне закалывали одних волов и других животных; но после, омраченные суеверием идолопоклонства, обагривали свои требища кровию Христиан. Жрецы думали, что идол увеселяется Христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимиров. Бальтийские Славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей.

Золотой колт с изображением богини весны. XII в.

Ночь на Ивана Купалу. Худ. К. Лебедев

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святovid ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копы: если он шагал сперва не левою, а правою ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий.

Любя народные торжества, языческие Славяне устави́ли в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба. В Богемии славился Майский праздник источников. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах Славян Российских, которых потомки доныне празднуют весну, любовь и бога Лада в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни Купалу и зимою воспевают имя Коляды. Во многих землях Славянских сохранились также следы праздника в честь мертвых: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 Марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим.

Погребение мертвых было также действием священным между языческими Славянами. Историки Немецкие описывают оное следующим образом: старейшина объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины в белой одежде лили слезы в маленькие сосуды, называемые плачевными. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его

женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось Стравою и было еще в VI веке причиною великого бедствия для Славян: ибо Греки воспользовались временем сего пиршества в честь мертвых и наголову побили их войско.

Славяне Российские – Кривичи, Северяне, Вятичи, Радимичи – творили над умершими тризну: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Но Славяне Киевские и Волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновение вместе с трупом зарывать в землю сплетенные из ремней лестницы.

Все народы любят Веру отцев своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и Славяне языческие, законченные в идолопоклонстве, с великою упорностью в течение многих столетий отвергали благодать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив многих Немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедовать ее святое учение и в землях Славян; но, уstraшенный их дикостию, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христианство противно заблуждениям язычества, Славяне ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Балтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних Христиан, брали их корабли в добычу, а Священников приносили в жертву идолам.

Собрав исторические достопамятности Славян древних, скажем нечто о языке их. Не имея никаких памятников сего первобытного языка Славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но Славяне, приняв Христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, избрали новые слова, выражения, и язык их в средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, Славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия.

Русская древняя рукопись

Венеды или Славяне языческие, обитавшие в странах Бальтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов Славянских: Ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в Рунах, заимство-

ванных Венедями от Готфских народов. Сии Руны, числом 16 весьма недостаточны для языка Славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам. Славяне же Богемские, Иллирические и Российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда Философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческим Императором Михаилом в Моравию к тамошним Христианским Князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу для перевода церковных книг с Греческого языка, изобрели Славянский особенный алфавит, образованный по греческому. Сия азбука, называемая Кирилловскою, доньше употребляется с некоторыми переменами в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне Далматские имеют другую, известную под именем Глагольской.

Итак, предки наши были обязаны Христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшею без сомнения нравственностью, но и пользою самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей.

Рюрик, Синеус и Трувор. 862–879 гг.

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Нестор пишет, что Славяне Новгородские, Кривичи, Весь и Чудь отправили Посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им: Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом, или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умея сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечом права избранных Государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область Финского народа Веси, а Трувор в Изборск, город Кривичей. Смоленск, населенный также Кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании Варягов. Следственно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской Губерний была названа тогда Русью, по имени Князей Варяго-Русских.

Призвание князя – встреча князя со старейшинами и народом славянского города. Худ. А. Кившенко

Чрез два года [в 864 г.], по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему Княжеству, основал Монархию Российскую. Уже пределы ее достигали на

Востоке до нынешней Ярославской и Нижегородской Губернии, а на Юг до Западной Двины; уже Меря, Муром и Полочане зависели от Рюрика: ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белаозера, Полоцк, Ростов и Муром. Таким образом, вместе с верховною Княжескою властью утвердилась в России и система Феодальная.

К сему времени Летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоземцев Рюриковых, именем Аскольд и Дир, может быть, недовольные сим Князем, отправились с товарищами из Новагорода в Константинополь искать счастья; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: «Чей он?». Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань Козарам. Сей городок был Киев: Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих Варягов из Новагорода, начали под именем Россиян властвовать как Государи в Киеве.

Князь Рюрик. Портрет из «Царского титулярника»

Княжение варяжских братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Таким образом, Варяги основали две Самодержавные области в России: Рюрик на Севере, Аскольд и Дир на Юге.

Нестор молчит о дальнейших предприятиях Рюрика за недостатком современных известий. Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новгороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого Самодержца Российского, осталась бессмертною в нашей Истории и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых Финских племен к народу Славянскому в России, так что Весь, Меря, Мурома наконец обратились в Славян, приняв их обычаи, язык и Веру.

Прибытие Рюрика в Ладогу. Худ. В. Васнецов

Олег-правитель. 879–912 гг.

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностью, победами, благоразумием, любовью подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих Варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолубием Героев, в 882 году пошел к странам Днепровским. Смоленск, город вольных Кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый Князь, поручив Смоленск своему Боярину, вступил в область Северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой Державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единоземцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить Государям Киевским, что Варяжские купцы, отправленные Князем Новгородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: Вы не Князья и не знаменитого роду, но я Князь, – и показав Игоря, примолвил: – Вот сын Рюриков! Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым...

Заморские гости. Худ. Н. Рерих

Олег, обогранный кровию невинных Князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, уstraшенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами – с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем – пленили Олега, и сей Князь сказал: Да будет Киев матерью городов Российских!

Храбрый Князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припяти: там, среди лесов мрачных Древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года Князь Российский овладел землею Днепровских Северян и соседственных с ними Радимичей. Он победил первых, освободил их от власти Козаров, и сказав: я враг им, а не вам! – удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение Северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей Российских с северными. Радимичи, жители берегов Сожских, добровольно согласились давать Россиянам то же, что Козарам: по щлягу, или мелкой монете, с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство Хана Козарского в Витебской и Черниговской Губернии.

Покорив Север, Князь Российский обратил счастливое оружие свое к Югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской Державы Славяне, единоплеменные с Черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую Губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо Летописец в числе его подданных именует Дулебов, Тивирцев и Хорватов, там обитавших.

Смерть Аскольда и Дира на берегу Днепра. Худ. В. Торопов

В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого роду и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что Цари и Патриархи Греческие старались умножать число Христиан в Киеве и вывести самого Князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, Священников и Патриарха и дары от Императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с Греками и терпимостию Христианства. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе Императоров. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. Все народы, ему подвластные соединились с Варягами под его знаменами. Днепр покрылся двумя тысячами легких судов: на всяком было сорок воинов; конница шла берегом. Мужественный Олег приблизился наконец к Греческой столице, где суеверный Император Леон, прозванный Философом, велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома Вельмож Греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие Россиян. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Греки, уstraшенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань.

Встреча великого князя Олега с волхвом. Худ. В. Васнецов

Сей мир, выгодный для Россиян, был утвержден священными обрядами Веры: Император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа Славянского, Перуном и Волосом. В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега вещим, то есть мудрым, или волхвом.

[911 г.] Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора; но желая утвердить мир с Греками, Олег вздумал отправить в Царьград Послов, которые заключили с Империею договор письменный, драгоценный и древнейший памятник Истории Российской, сохраненный в нашей летописи.

Сей договор представляет нам Россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Надобно также приметить, что между именами четырнадцати Вельмож, употребленных Великим Князем для заключения мирных условий с Греками, нет ни одного Славянского. Только Варяги, кажется, окружали наших первых Государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив Послов золотом, драгоценными одеждами и тканями, велел показать им красоту и богатство храмов и с честью отпустил их в Киев, где они дали отчет Князю в успехе посольства.

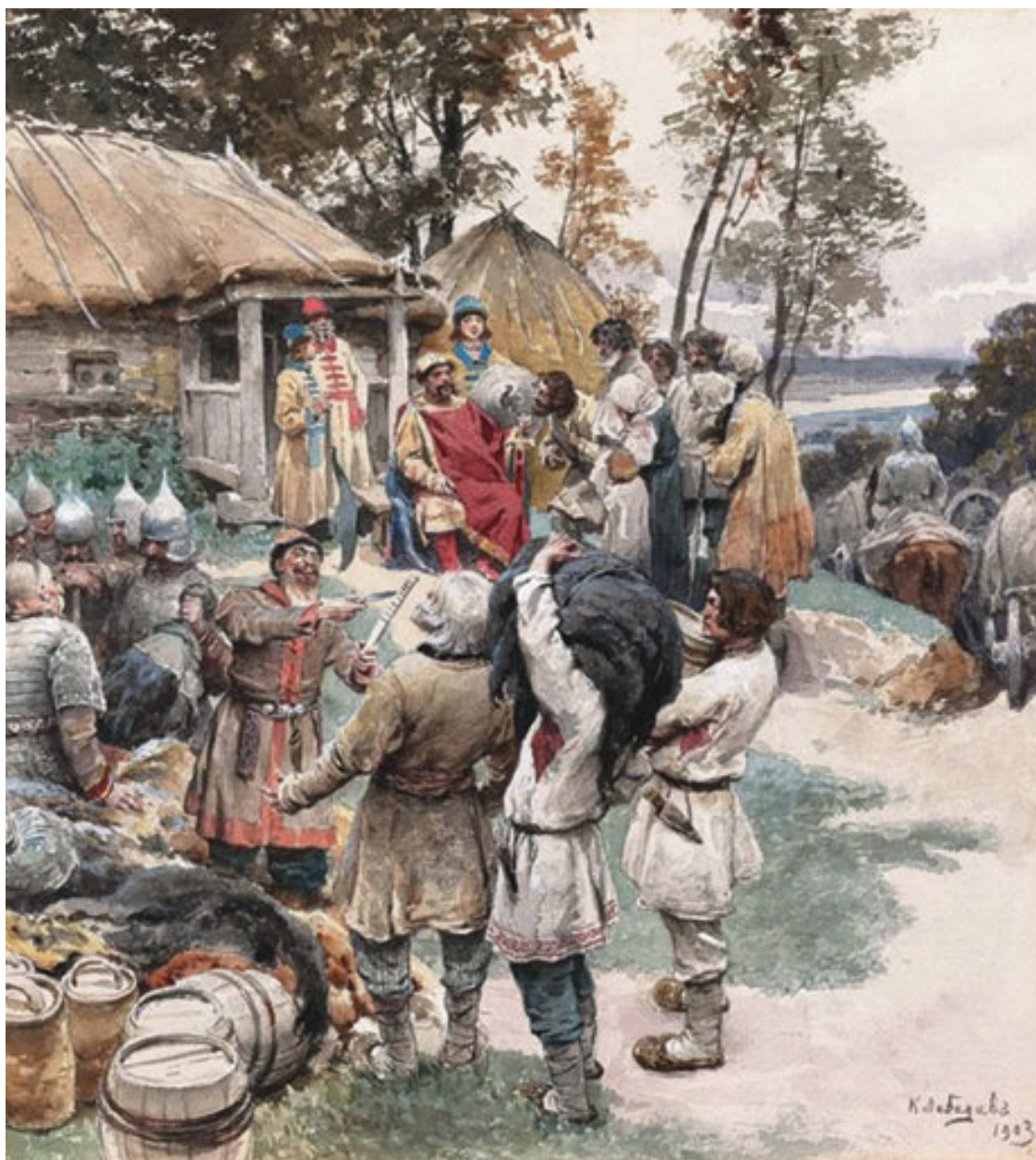
Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. «Волхвы, – так говорит Летописец, – предсказали Князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила Князя, и Герой скончался»...

Князь Игорь. 912–945 гг.

Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого 941 года, когда Нестор, согласно с Византийскими Историками, описывает войну Игореву с Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с Империею: ибо в 935 году корабли и воины его ходили с Греческим флотом в Италию. Если верить Летописцам, то Игорь с 10 000 судов вошел в Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить Воспорские окрестности. Здесь Нестор, следуя Византийским Историкам, с новым ужасом говорит о свирепости Россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках, бесчеловечно убиенных, и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но Государь слабый, выслал наконец флот под начальством Феофана Протопресвитария. Корабли Игоревы стояли на якорях близ Фара или маяка, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим щадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не соответствовал его чаянию. Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым огнем Греческим, которым Феофан зажег многие суда их и который показался им небесною молниею в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда с отборною пехотою, конницею, и Доместик Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным Азиатским войском напали на толпы Россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам Фракийским, сразились еще с Греками на море и с великим уроном возвратились в отечество.

Смерть Игоря. 946 г. Гравюра Б. Чорикова

Князь Игорь собирает дань с древлян. Худ. К. Лебедев

Игорь не уныл, но хотел отомстить Грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал Варягов из-за моря, нанял Печенегов и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Лакапин, не уверенный в победе и желая спасти Империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил послов к Игорю. Встретив его близ Дунайского устья, они предложили ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели Князь благоразумно согласится на мир. Игорь взял дары у Греков на всех воинов своих, велел наемным Печенегам разорять соседственную Болгарию и возвратился в Киев.

Великий князь Игорь Рюрикович. Роспись Грановитой палаты. XIX в.

В следующий год [944 г.] Лакапин отправил Послов к Игорю, а Князь Российский в Царьград, где заключен был ими торжественный мир...

Клятвенно утвердив союз, Император отправил новых Послов в Киев, чтобы вручить Князю Русскому хартию мира. Игорь в присутствии их на священном холме, где стоял Перун, торжественно обязался хранить дружбу с Империею; воины его также, в знак клятвы полагая к ногам идола оружие, щиты и золото. Обряд достопамятный: оружие и золото было всего святее

и драгоценнее для Русских язычников. Христиане Варяжские присягали в Соборной церкви Св. Илии, может быть, древнейшей в Киеве.

Игорь, одарив Послов Греческих мехами драгоценными, воском и пленниками, отпустил их к Императору с дружественными уверениями. Он действительно хотел мира для своей старости; но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствием. Князь при наступлении осени отправился в землю Древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его – пользуясь, может быть, слабостию Князя престарелого – тоже хотела богатства и грабила несчастных данников, усмирённых только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоприятия. Еще недовольный взятою им данию, он вздумал отпустить войско в Киев и с частию своей дружины возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Тогда отчаянные Древляне, видя – по словам Летописца – что надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою, вооружились под начальством Князя своего, именем Мала; вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византийский Историк повествует, что они, привязав сего несчастного Князя к двум деревьям, разорвали надвое.

Князь Игорь. Портрет из «Царского титулярника»

Князь Святослав. 945–972 гг.

Святослав, сын Игорев, первый Князь Славянского имени, был еще отроком. Юный Князь воспитывался Боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском. Ольга – вероятно, с помощью сих двух знаменитых мужей – овладела кормилом Государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами. Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых.

Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, Древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их Князь Мал женился на вдове Игоря. Двадцать знаменитых Послов Древлянских приплыли в ладии к Киеву и сказали Ольге: Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князя Древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего Князя Мала. Ольга с ласкою ответствовала: Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладиию свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках... Между тем Ольга приказала на дворе теремном ископать глубокую яму и на другой день звать Послов. Исполняя волю ее, они сказали: Не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии! Киевляне понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как Древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила Древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан и начальников земли своей. Там для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать Древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже едет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим – и 5000 Древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревои могилы.

Равноапостольная Ольга. Икона

[946 г.] Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско и выступила с ним против Древлян, еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младый Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но Полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя и устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. Для чего вы упорствуете? велела она сказать Древлянам: Все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщения: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего. Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но Княгиня, будто бы из великодушия, отсеклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостию исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все дома их... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастись бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая Княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данью.

Прием великой княгиней Ольгой дrevлянских послов. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Утвердив внутренний порядок Государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии. Здесь оканчиваются дела ее государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей Церковной Истории.

Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов Христианства; могла из любопытства беседовать с Церковными Пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть Христианкою и сама отправилась в столицу Империи и Веры Греческой. Там Патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный – восприемником от купели.

Ольга, воспаленная усердием к новой Вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества; но юный, гордый Святослав был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъяслял презрение к Христианам и с досадою отвергал все убеждения матери.

[964–966 гг.] Сей Князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного Героя летел в поле. Там суровую жизнь он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был Военачальник, таковы и воины. Он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: Иду на вас!

Крещение княгини Ольги. Худ. И. Акимов

Великий князь Святослав Игоревич. Роспись Грановитой палаты

Берега Оки, Дона и Волги были первым театром его воинских, счастливых действий. Он покорил Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хана Козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного Владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов. Сам Каган предводительствовал войском: Святослав победил и взял Козарскую Белую Вежу, или Саркел, город на берегу Дона, укрепленный Греческим искусством. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей Герой мог утвердить сообщение между областю Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра.

[967 г.] Неудовольствие Императора Никифора Фоки на Болгарского Царя Петра служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отмстить Болгарам за то, что они не хотели препятствовать Венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника Херсонского, ехать Послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному Князю Российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Удовлетворив мести Греков, богатый добычею, гордый славою, Князь Российский начал властвовать в древней Мизии.

[968 г.] Печенеги напали на Россию, зная отсутствие храброго Князя, и приступили к самому Киеву, где затворилась Ольга с детьми Святослава. На другой стороне Днепра стоял Воевода Российский, именем Претич, с малочисленною дружиною, и не мог иметь с осажденными никакого сообщения. Изнемогая от голода и жажды, Киевляне были в отчаянии. Один смелый отрок вызвался уведомить Претича о бедственном их состоянии; вышел с уздою из города прямо в толпу неприятелей и, говоря языком Печенежским, спрашивал, кто видел его коня? Печенеги, воображая, что он их воин, дали ему дорогу. Отрок спешил к Днепру, сбросил с себя одежду и поплыл. Слыша от сего посланного, что изнуренные Киевляне хотят на другой день сдаться, и боясь гнева Святослава, Воевода решился спасти хотя семейство Княжеское – и Печенеги на рассвете увидели лодки Российские, плывущие к их берегу с трубным звуком, на который обрадованные жители Киевские ответствовали громкими восклицаниями. Думая, что сам грозный Святослав идет на помощь к осажденным, неприятели рассеялись в ужасе. Дерзость Печенегов требовала мести: Святослав отразил их от пределов России и сею победою восстановил безопасность и тишину в отечестве.

Хазарский воин

[969 г.] Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному Князю. Собрав Бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: «ибо в столице Болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности Искусства и При-

роды». По кончине матери Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение: то есть перенести столицу Государства на берега Дунайские.

[970 г.] Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю. В то же время Новгородцы, недовольные, может быть, властью Княжеских Наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в Правители. Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери Любчанина Малька: Новгородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в Князя сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию. Итак, Святослав первый ввел обыкновение давать сыновьям особенные Уделы: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрынею в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областью, но где народ встретил его как неприятеля. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на Россиян. Долговременное кровопролитное сражение клонилось уже в пользу Болгаров; но воины Святославовы напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел царством Болгарским.

Греки, призвавшие Россиян на берега Дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее Болгаров. Иоанн Цимиский тогдашний Император, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

Война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у Греков, а Святослав принужден был, с горстиею воинов, идти назад в Россию. Утвердив мир, Император снабдил Россиян съестными припасами; а Князь Российский желал свидания с Цимискием. Сии два Героя виделись на берегу Дуная. Император, окруженный златоносными всадниками, в блестящих латах, приехал на коне: Святослав в ладии, в простой белой одежде и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня: Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили – и расстались друзьями.

Великодушный поступок молодого киевлянина. Гравюра Б. Чорикова

Кончина Святослава. Гравюра Б. Чорикова

Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами. Худ. А. Иванов

Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предпринял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем. [972 г.] Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали Россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый Воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: Князь не принял его совета. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с Печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Куря, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу. Только немногие Россияне спаслись с Воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о гибели Святослава.

Великий Князь Владимир. 980–1014 гг.

По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в Древлянской земле, Владимир в Новгороде. Единодержавие пресеклось в Государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над Уделами своих братьев. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата.

Виновником сей вражды был славный Воевода Свенельд, знаменитый сподвижник Игорев и Святославов. Он ненавидел Олега, который умертвил сына его, именем Люта, встретясь с ним на ловле в своем владении: причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства. Свенельд, желая отмстить ему, убедил Ярополка идти войною на Древлянского Князя и соединить область его с Киевскою.

Олег, узнав о намерении своего брата, также [в 977 г.] собрал войско и вышел к нему навстречу; но, побежденный Ярополком, должен был спасаться бегством в Древлянский город Овруч: воины его, гонимые неприятелем, теснились на мосту у городских ворот и столкнули своего Князя в глубокий ров. Сей несчастный был раздавлен множеством людей и лошадьми, которые упали за ним с моста.

Владимир, Князь Новгородский, сведав о кончине брата и завоевании Древлянской области, устранился Ярополкова властолюбия и бежал за море к Варягам. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле Варяжской; наконец собрал многих Варягов под свои знамена; прибыл [в 980 г.] с сей надежною дружиною в Новгород, сменил Посадников Ярополковых и сказал им с гордостью: «Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

Великий князь Владимир Святославич. Худ. В. Васнецов

Гибель Олега Святославича и многих его воинов. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его близ теремного двора, на священном холме, вместе с иными кумирами. Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новым городом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Перун. Идол

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, Чехини или Богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба.

Идолы. Худ. Н. Рерих

Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен, любя жен, любил и войну. Польские Славяне, Ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно Славянам Российским, еще ранее их прибегнули к Единовластию. Мечислав, Государь знаменитый в Истории введением Христианства в земле своей, правил тогда народом Польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после отошло к Государству Польскому. Он взял города Червен, Перемышль и другие, которые, с сего времени, будучи собственностью России, назывались Червенскими. В следующие два года храбрый Князь смирил бунт Вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну Ятвягов, дикого, но мужественного народа Латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к Северо-Западу он распространил свои владения до самого Бальтийского моря.

Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческой обогреть алтари. Исполняя совет Бояр и старцев, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц Киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов — и жребий пал на юного Варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был Христианином. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастье: вдохновенный любовью к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели Христианство; но торжественное хуление Веры их производило мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал жертвы. Отец,

держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идола ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна.

Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, спокойные данники Великих Князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый Воевода его, прозванием Волчий Хвост, начальник передовой дружины Княжеской, встретился с ними на берегах реки Пищаны и наголову побил мятежников; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в пословицу: Радимичи волчья хвоста бегают.

[985 г.] Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с Новгородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные Торки, союзники или наемники Россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с Туркоманами и Печенегами: он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались Орды Печенежские. Великий Князь победил Болгаров; но мудрый Добрыня, по известию Летописца, осмотрев пленников и видя их в сапогах, сказал Владимиру: «Они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать лапотников!». Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с Болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с Россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде». Ежели не с данию, то по крайней мере с честью и с дарами Великий Князь возвратился в столицу.

Первые христианские мученики в России. 983 г. Гравюра Б. Чорикова

Князь Владимир выбирает веру. Худ. И. Эгтинг

Изложение мусульманами своей веры князю Владимиру. Миниатюра из Радзивилловской рукописи

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более

ста лет мало-помалу укоренялось Христианство, наконец вся и торжественно признала святость оною, почти в одно время с землями соседственными: Венгрию, Польшу, Швецию, Норвегию и Данию. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной Веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний Летописец наш повествует, что не только Христианские проповедники, но и Магометане, вместе с Иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию Веры своей и что Великий Князь охотно выслушивал их учение.

Первые Послы были от Волжских, или Камских, Болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера Магометанская, утвержденная там счастливым оружием Аравитян: Болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого Князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино – уставом безрассудным. Вино, сказал он, есть веселие для Русских; не можем быть без него. Послы Немецких Католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь отвечивал им: Идите обратно; отцы наши не принимали Веры от Папы. Выслушав Иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, – отвечивали проповедники: – но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других? – сказал Владимир. – Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества. – Наконец, безымянный Философ, присланный Греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: Историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, Христианства, семи Соборов, и в заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!». Крестися, – отвечивал Философ, – и будешь в раю с первыми.

Купель баптистерия, где принял крещение князь Владимир. Раскопки в Херсонесе

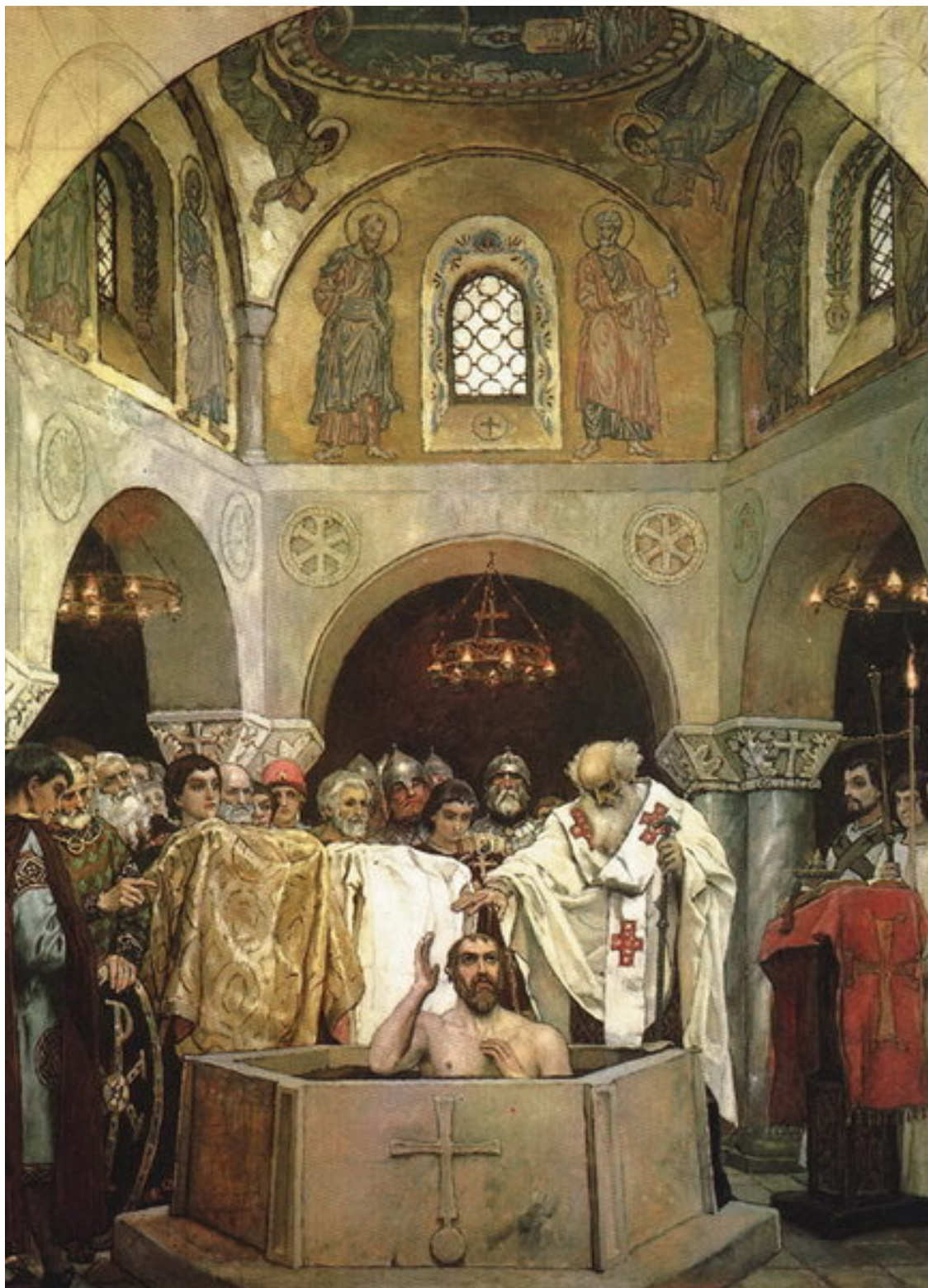
Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и Священники Христианские; но Князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни Цари Греческие и Патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении Греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, завоевать Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

[988 г.] Собрав многочисленное войско, Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, он еще более возгордился своим величием и чрез Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с Греческими знаменитыми Царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о Державе. Сии обстоятельства принудили Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощь сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру Христианскую, он получит и руку Царевны, и Царство Небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку. Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром. Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день велел объявить в городе, чтобы все люди Русские, Вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься – и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда Великий Князь и Бояре предпочли ее старой Вере отцов своих. Великий Князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый Варяг и сын его. Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на Славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных Киевским Христианам, Великий Князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил Государство на области. Он, без сомнения, не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права своих Наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный Князь, повинувшись отцу, самовластному Государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему?

Апостол Андрей Первозванный водружает крест на горах Киевских. Худ. Н. Ломтев

Крещение князя Владимира. Худ. В. Васнецов

Будучи другом усердных Бояр и чиновников, Владимир был истинным отцом бедных, которые всегда могли приходить на двор Княжеский, утолять там голод свой и брать из казны деньги. Сего мало: больные, говорил Владимир, не в силах дойти до палат моих – и велел развозить по улицам хлебы, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только Вирою, или денежною пенею: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные Пастыри Церкви вывели

набожного Князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» – спросили они. «Боюсь гнева Небесного, – отвечивал Владимир». «Нет, – сказали Епископы, – ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий Князь, приняв их совет, отменил Виру и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники Новгородские ежегодно платили две тысячи гривен Великому Князю и тысячу раздавали Гридням, или телохранителям Княжеским. Ярослав, тогдашний Правитель Новгорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря Варягов на помощь, думая, вопреки законам Божественным и человеческим, поднять меч на отца и Государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого. [1015 г.] Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его любимому сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило Государства на волю рока...

Золотник князя Владимира

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину Великого Князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: Вельможи, народ, воины, бросились в церковь; увидели труп Государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благотворителя, Бояре отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Великий Князь Святополк. 1015–1019 гг.

Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его. Обрадованный смертью дяди и благодетеля, сей недостойный Князь спешил воспользоваться ею; созвал граждан, объявил себя Государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем: ибо друзья и братья их находились в походе с Князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив Печенегов, возвращался с войском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно своею искреннею горестию. Товарищи побед Владимировых говорили ему: «Князь! С тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь Государем России!» Борис отвечив: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцом». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив Князя, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время приехав ночью в Вышегород, собрал тамошних Бояр на совет. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить Князю злодеянием. Юный Борис, окруженный малочисленными слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приблизились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис уже знал, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился... за Святополка; наконец, успокоив душу Небесною Верою, лег на одр и с твердостью ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломились в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного Отрока его, который хотел собственным телом защитить Государя и друга.

Святополк немедленно отправил гонца к Муромскому Князю Глебу сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый сею ложною вестью, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Настиг его посланный от Ярослава, Князя Новгородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб оплакивал отца и любимого брата, явились вооруженные убийцы. Дружина Муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить Князя, и собственный повар Глебов, именем Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного Государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, и был наконец погребен в вышегородской церкви Св. Василия, вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский Князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиею и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни.

Скоро нашелся мститель: Ярослав, сильнейший из Князей Удельных, восстал на изверга...

[1019 г.] Не имея сильного войска, ни любви подданных, Святополк бежал из отечества к Печенегам, требовать их помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россию, вступили в ее пределы и приблизились к берегам Альты. Там увидели они полки Российские. Восходящее солнце озарило на полях Альты сражение двух многочисленных воинств, сражение упорное и жестокое: никогда, говорит Летописец, не бывало подобного в нашем отечестве. Верная дружина Новгородская хотела лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели в остервенении своем хватали друг друга за руки и секлись мечами. К вечеру Святополк обратился в бегство.

Князья Борис и Глеб Владимировичи. Икона XIX в.

Великий Князь Ярослав. 1019–1054 гг.

Ярослав вошел в Киев и, трудами и победою заслужив сан Великого Князя Российского. Но бедствия войны междоусобной еще не прекратились.

Мы знаем, что Владимир отдал Воспорскую, или Тмутороканскую, область в удел сыну своему Мстиславу. [1023 г.] Уверенный в своем воинском счастье, сей Князь не захотел уже довольствоваться областью Тмутороканскою, которая, будучи отдалена от России, могла казаться ему печальною ссылкой: он собрал подвластных ему Козаров, Черкесов, или Касогов, и пошел к берегам Днепровским. Ярослава не было в столице. Киевские граждане затворились в стенах и не пустили брата его; но Чернигов, менее укрепленный, принял Мстислава.

Великий князь Ярослав Владимирович Мудрый. Роспись Грановитой палаты

Софийский собор в Киеве

Знаменитый Варяг Якун пришел на помощь к Ярославу. Великий Князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовил войско к сражению; поставил Северян или Черниговцев в середине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле. Варяги стояли мужественно против Северян. Храбрость, искусство и счастье Мстислава решили победу: Варяги, смятые пылким нападением его дружины, отступили.

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему; правил Киевом чрез своих Наместников и собирал войско. Наконец два брата съехались у Городца, под Киевом; заключили искренний союз и разделили Государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную.

[1031–1036 гг.] Искреннее согласие двух Государей Российских продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей Князь, прозванный Удалым, не испытал превратностей воинского счастья: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостию к народу и любовью к верной дружине.

Внутренний вид Софии Киевской. Богоматерь Оранта

Ярослав сделался Монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии. Из прежних Удельных Князей оставался один Брячислав Полоцкий.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бедствиям Удельного Правления. Женатый на Ингигерде, или Анне, дочери Шведского Короля Олофа, он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, Великий Князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление.

Узнав о набеге Печенегов, он спешил из Новгорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. В память сего знаменитого торжества Великий Князь заложил на месте сражения великолепную церковь и, распространив Киев, обвел его каменными стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата Златыми, а новую церковь Святою Софиею Митрополитскою, украсив ее золотом, серебром, мусиею и драгоценными сосудами. Тогда был уже Митрополит в нашей древней столице, именем Феопемпт – вероятно, Грек. Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные Летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежского. Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, Королем Французским. Третья дочь Ярославова, Анастасия, вышла за Короля Венгерского, Андрея I.

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского, несмотря на то что его родная тетка была за сим Королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на Греческой Царевне.

Великий Князь провел остаток жизни своей в тишине и в Христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Ярослав еще в первый год своего Единодержавия, будучи в Новгороде, сам избрал в начальники для сей Епархии Луку Жидяту; а в 1051 году, собрав в Киеве Епископов, велел им поставить Митрополитом Илариона Россиянина, без всякого участия со стороны Константинопольского Патриарха...

Наставление Ярослава сыновьям. Гравюра Б. Чорикова

Наконец, чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, – говорил он, – вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Вячеславу – Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные!

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался [19 Февраля 1054 г.], имея от роду более семидесяти лет.

Ярослав Мудрый зачитывает закон народу. Худ. А. Кившенко

Свод в гробнице Ярослава Мудрого

Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудрого; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия; успокоил отечество и любил народ свой.

Летописцы говорят, что сей Великий Князь завел в Новгороде первое народное училище, где 300 отроков приобретали сведения, нужные для Священного сана и гражданских чиновников. Будучи основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться вторым Царемградом. Художники Греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью, доньше видимою в Киевской Софийской церкви.

Наконец блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого Монарха. Сему Князю приписывают древнейшее собрание наших гражданских уставов, известное под именем Русской Правды.

Великий Князь Изяслав. 1054–1077 гг.

Князь Изяслав Ярославич

Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области.

Дети Ярославовы, исполняя его завещание, разделили по себе Государство. Область Изяславова, сверх Новгорода, простиралась от Киева на Юг и Запад до гор Карпатских, Польши и Литвы. Князь Черниговский взял еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муром и страну Вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье, или берега Волги. Смоленская область заключала в себе нынешнюю Губернию сего имени с некоторою частию Витебской, Псковской, Калужской и Московской. Пятый сын Ярославов, Игорь, получил от старшего брата, в частный Удел, город Владимир. Князь Полоцкий, внук славной Рогнеды, Брячислав, умер еще в 1044 году: сын его, Всеслав, наследовал Удел отца – и Россия имела тогда шесть юных Государей.

Князь Полоцкий ненавидел детей Ярославовых и считал себя законным наследником престола Великокняжеского: ибо дед его, Изяслав, был старшим сыном Св. Владимира. Всеслав, без успеха осаждав Псков, неожиданно завоевал Новгород; пленил многих жителей; не пощадил и святыни церквей, ограбив Софийскую. Оскорбленные такою наглостию, Ярославичи соединили силы свои и осадили Минск в Княжестве Полоцком; взяли его, умертвили граждан, а жен и детей отдали в плен воинам. Всеслав сошелся с неприятелями на берегах Немана, покрытых глубоким снегом. Множество Россиян с обеих сторон легло на месте. Великий Князь победил; но, еще страшась племянника, вступил с ним в мирные переговоры и звал его к себе. Всеслав, поверив клятве Ярославичей, что они не сделают ему никакого зла, переехал Днепр на лодке близ Смоленска. Великий Князь встретил его, ввел в шатер свой и отдал в руки воинам: несчастного взяли вместе с двумя сыновьями, отвезли в Киев и заключили в темницу.

[1067–1068 гг.] Провидение наказало вероломных: там, где отец их одержал славную победу над Святополком и Печенегами, на берегах Альты, чрез несколько месяцев Изяслав и

братья его в ночном сражении были наголову разбиты свирепыми Половцами. Великий Князь и Всеволод ушли в Киев, а Святослав в Чернигов. Воины первого, стыдясь своего бегства, требовали Веча; собрались на торговой площади, в Киевском Подоле, и прислали сказать Изяславу, чтобы он дал им оружие и коней для вторичной битвы с Половцами. Великий Князь, оскорбленный сим своевољством, не хотел исполнить их желанія. Бунтовщики освободили Полоцкого Князя: тогда оба Ярославича в ужасе бежали из столицы, а народ объявил Всеслава Государем своим и разграбил Дом Княжеский.

Король Польскій, Болеслав II, сын Марии, Владимировой дочери, приняв Изяслава со всеми знаками искреннего дружелюбія как Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощником. Всеслав, устрaшеннѣй силою Поляков, ночью ушел из стана в Полоцк. Россіяне, сведав о бегствѣ его, с ужасом возвратились в Киев. Все граждане собрались на Вече и немедленно отправили Послов к Святославу и Всеволоду объявить им, что Киевляне, изгнавъ Государя законнаго, признают вину свою. Великий Князь, дав слово быть милосердным, послал в Киев сына своего, Мстислава, который, в противность торжественному договору, начал как зверь свирепствовать в столице. Граждане не смели жаловаться и с покорностію встретили Изяслава, въѣхавшаго в столицу с Болеславом и с малым числом Поляков [2 Мая 1069 г.].

Печать князя Изяслава

Изяслав принят братом Всеволодом, который предложил ему мир. Гравюра Б. Чорикова

Союз Ярославичей казался неразрывным. Изяслав, соорудив новую церковь в Вышгороде, управляемом тогда Вельможею Чудиным, вздумал поставить в ней гробы Бориса и Глеба и призвал своих братьев на сие торжество. Оно совершилось в присутствии знаменитейшего Духовенства, Бояр и народа, 2 Маия [1072 г.]. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и митрополит Георгий признал святость Российских Мучеников, к удовольствию Государя и народа.

Сия дружба скоро обратилась в злобу. Святослав, желая большей власти, уверил Всеволода, что старший брат тайно сговаривается против них с Князем Полоцким. Они вооружились, и несчастный Изяслав вторично бежал в Польшу. Но Болеслав уже не хотел искать новых опасностей в России и указал ему путь от себя.

В следующем [1076] году юные Князья Российские, Владимир Мономах и Олег – первый Всеволодов, а второй Святославов сын, – заключив союз с Поляками, ходили с войском в Силезию помогать Болеславу против Герцога Богемского. Но скоро обстоятельства, к счастью Изяславову, переменились. Главный враг его, Святослав, умер. Тогда изгнанник ободрился: собрал несколько тысяч Поляков и вступил в Россию. Добродушный Всеволод встретил его в

Волынии и предложил ему мир. Братья клялися, забыв прошедшее, умереть друзьями, и старший въехал в Киев Государем, уступив меньшему Княжение Черниговское, а сыну его, Владимиру, Смоленск.

Олег Святославич господствовал в области Владимирской: он должен был, по воле дядей своих, выехать оттуда и жить праздно в Чернигове.

Сей Олег, рожденный властолюбивым, бежал в Тмуторокань и решился, вместе с Борисом Вячеславичем, искать счастья оружием. Наняв Половцев, они вошли в пределы Черниговского Княжения и разбили Всеволода. Многие знаменитые Бояре лишились тут жизни. Победители взяли Чернигов и думали, что все Государство должно признать власть их; а несчастный Всеволод ушел в Киев. Мужественный Владимир спешил также из Смоленска к отцу своему и едва мог пробиться сквозь многочисленные толпы Половцев. Великий князь, Всеволод, Ярополк и Мономах соединенными силами обступили Чернигов. Олег и Борис находились в отсутствии; но граждане хотели обороняться. Владимир взял приступом внешние укрепления и стеснил осажденных внутри города. Узнав, что племянники идут с войском к Чернигову, Изяслав встретил их. Олег не надеялся победить четырех соединенных Князей и советовал брату вступить в мирные переговоры; но гордый Борис сразился близ Чернигова и заплатил жизнью за свое властолюбие. Еще кровь лилась рекою. Изяслав стоял среди пехоты: неприятельский всадник ударил его копьем в плечо: Великий Князь пал мертвый на землю.

Изяслав оставил свое имя в наших древних законах. По кончине родителя он призвал на совет братьев своих, Святослава и Всеволода, также умнейших Вельмож того времени и совершенно уничтожил смертную казнь, установив денежную пеню за всякие убийства.

Русский воин

Великий Князь Всеволод. 1078–1093 гг.

Не сын Изяславов, но Всеволод наследовал престол Великокняжеский. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уважению к семейственным связям, имел право старейшинства и заступал место отца для племянников. Сей Государь утвердил Святополка на Княжении Новгородском: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдал Владимир и Туров, а Владимиру Мономаху Чернигов.

Всеволод любил мир, и видел беспрестанное кровопролитие. Полоцкий Князь осадил Смоленск: Владимир спешил туда с Черниговскою конницею; не застал Всеслава, но Смоленск, зажженный неприятелем, еще дымился в пепле. Мономах, в наказание врагу своему, огнем и мечом опустошил его землю, и чрез несколько времени взяв Минск, отнял всех рабов и скот у жителей. Мужественный сын Всеволодов не выпускал меча из рук: победил Торков, обитавших близ Переяславля; два раза ходил усмирять беспокойных Вятичей и везде гнал неутомимых злодеев России, Половцев, на берегах Десны, Хороля; пленял их Вожей, отбивал добычу. Но сии успехи не могли утвердить государственной безопасности, и Князья Российские междоусобием своим усиливали внешних неприятелей.

Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников, которые, желая господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали Уделов, – с завистию воспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием Удельного Князя и спокойный сердцем. Чувствуя приближение конца, он послал за большим сыном в Чернигов и скончался [1093 г.] в объятиях Владимира и Ростислава.

Князь Всеволод Ярославич. Портрет из «Царского титулярника»

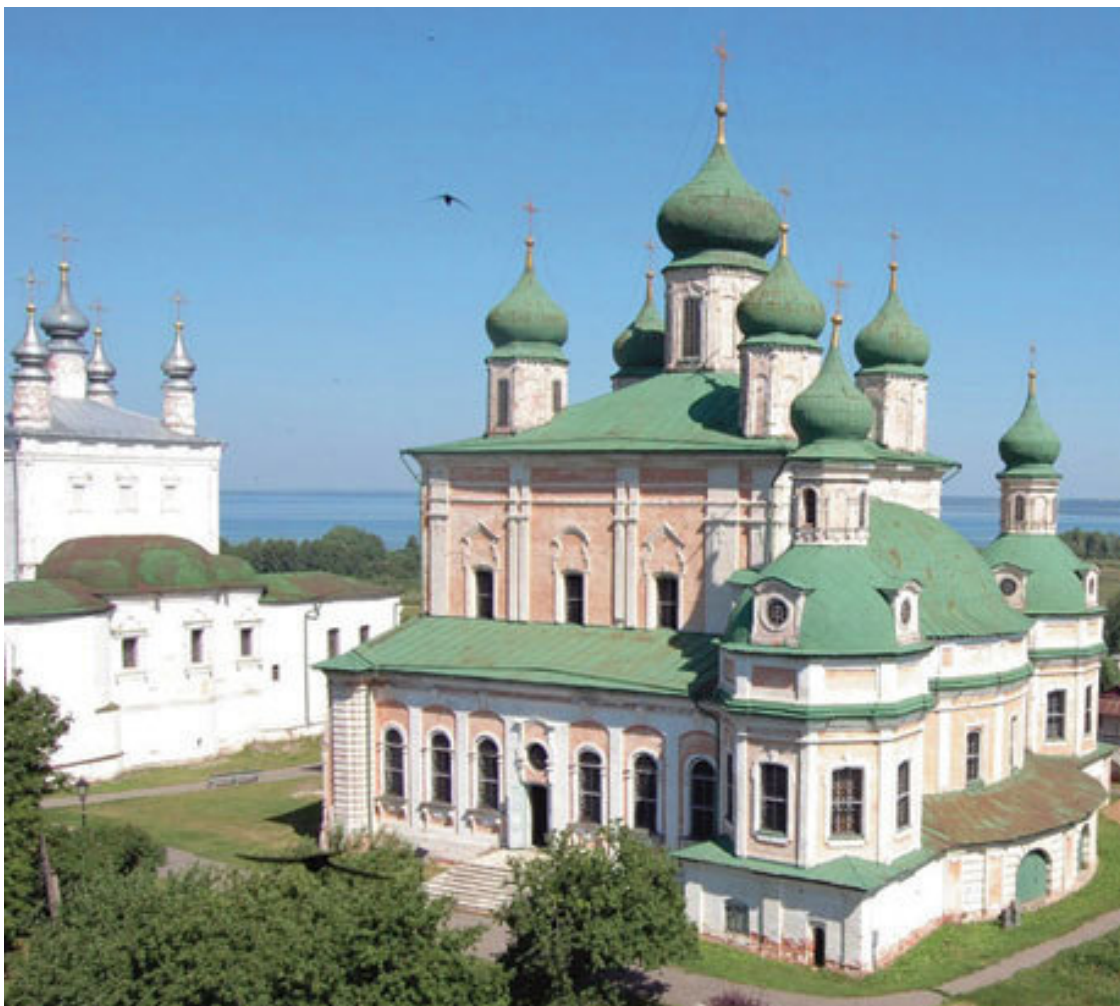
Великий Князь Святополк-Михаил. 1093–1112 гг.

Владимир мог бы сесть на престоле родителя своего; но сей миролюбивый Князь уступил оный Изяславову сыну и, сказав: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной», объявил Святополка Государем Российским; сам отправился в Чернигов, а брат его, Ростислав, в Переяславль.

Половцы, узнав о кончине Всеволода, изъявили желание остаться друзьями России. Легкомысленный Святополк велел заключить Послов в темницу; но сведав, что мстительные варвары везде жгут и грабят в его области, вздумал сам просить их о мире. Половцы уже не хотели слушать сих предложений, и Великий Князь, собрав только 800 воинов, спешил выступить в поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что надобно требовать помощи от мужественного Владимира. Князь Черниговский немедленно вооружился и призвал брата своего, Ростислава. Но Князья, соединив дружины, стояли под Киевом и ссорились между собою. Наконец Бояре сказали им: «Ваша распря губит народ; смирите врагов и тогда уже думайте о своих несогласиях». Святополк и Владимир, приняв благой совет, обнялись братски и в знак искренней взаимной любви целовали святой крест.

Вооружение половцев

Переяславль-Залесский. Монастырь

Олег Черниговский, вопреки данному слову, не ходил с Великим Князем на Половцев. Святополк и Владимир требовали от него, чтобы он выдал им или сам велел умертвить знатного Половецкого юношу, сына Итларева, бывшего у него в руках; но Князь Черниговский отвергнул и сие предложение как злодейство бесполезное. С обеих сторон неудовольствие возрастало.

В сих обстоятельствах Святополк и Владимир прислали звать Олега в Киев, на съезд Княжеский. Олег, не веря их доброму намерению, с гордостью им отвечивал: «Я – Князь, и не хочу советоваться ни с Монахами, ни с чернию». Когда так, сказали Святополк и Владимир: когда не хочешь воевать с неприятелями земли Русской, ни советоваться с братьями, то признаем тебя самого врагом отечества. Взяв Чернигов, они приступили к Стародубу, где находился Олег, и более месяца проливали невинную кровь в жестоких битвах. Наконец Черниговский Князь, смиренный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом.

Святополк Ярославич

Святополк хотел прекратить сию междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россию; одна толпа их сожгла в Берестове дом Княжеский, другая – местечко Устье, близ Переяславля, и тесть Святополков, Тугоркан, осадил сию Мономахову столицу. Великий Князь и Владимир умели скрыть свои движения от неприятеля, перешли Днепр, явились внезапно под стенами осажденного города. Обрадованные жители встретили их, и Россияне бросились в Трубеж, ревностно желая битвы с Половцами, которые стояли на другой стороне сей реки. Не внимая начальникам, они устремились на варваров и своим мужеством решили победу.

[1097 г.] Чрез несколько месяцев Россия в первый раз увидела торжественное собрание Князей своих на берегу Днепра, в городе Любече. Сидя на одном ковре, они благоразумно рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия; что им должно наконец прекратить междоусобие, вспомнить древнюю славу предков, соединиться душою и сердцем, унять внешних разбойников – Половцев, успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нет сомнения, что Мономах, друг отечества и благоразумнейший из Князей Российских, был виновником и душою сего достопамятного собрания. В пример умеренности и бескорыстия он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю, и Князья с общего согласия утвердили за Святополком область Киевскую, за Мономахом частный удел отца его: Переславль, Смоленск, Ростов, Суздаль, Белоозеро; за Олегом, Давидом и Ярославом Святославичами – Чернигов, Рязань, Муром; за Давидом Игоревичем – Владимир Волынский; за Володарем и Васильком Ростиславичами – Перемышль и Теробовль, отданные им еще Всеволодом. Каждый целовал святой крест, говоря: да будет земля Русская общим для нас отечеством; а кто восстанет на брата, на того мы все восстанем. Добрый народ благословлял согласие своих Князей: Князья обнимали друг друга как истинные братья.

Съезд князей. Худ. С. Иванов

Владимир Мономах

Сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством. Внук Ярославов, Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом Великокняжеским, а второй городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника, который ушел к Ростиславичам; что благоразумие требует осторожности, а месть жертвы. Давид клялся, что ни ему в Владимире, ни Святополку в Киеве не господствовать мирно, пока жив Василько; и сын Изяславов согласился быть вероломным. Не зная ничего, Василько ехал тогда мимо Киева. Святополк и Давид прислали звать его, убеждали остаться в Киеве до именин Великого Князя; но Василько, готовясь воевать с Поляками, спешил домой и не хотел исполнить Святополкова желания. Святополк вторично послал сказать Васильку, чтобы он заехал к нему хотя на минуту, обнять своих дядей и побеседовать с ними. Несчастный Князь дал слово; сел на коня и с малочисленною дружиною въехал в Киев. Ласковый Святополк принял гостя на дворе Княжеском, ввел в горницу и сам вышел, сказывая, что велит готовить завтрак для любезного племянника. Василько остался с Давидом: начал говорить с ним; но сей злодей бледнел, не мог отвечать ни слова и спешил удалиться. По данному знаку входят воины, заключают Василька в тяжкие оковы. Василька ночью привезли в Белгород и заперли в тесной горнице; в глазах его острили нож; взяли несчастного и хотели положить на землю. Угадав намерение сих достойных слуг Давида и Святополка, он, хотя был окован, но долгое время оборонялся. Его связали; раздавили ему грудь доскою и вырезали обе зеницы...

Половецкий всадник

[1104 г.] Следуя примеру отцов своих, Великий Князь и Мономах вооружились против наследников Всеславовых, которые независимо господствовали в Полоцкой области. Путята, Воевода Святополков, Олег и Ярополк, сын Владимиров, ходили осаждать Глеба Всеславича в Минске. Родной брат Глебов, Давид, находился с ними. Но войско соединенно возвратилось без успеха.

С другой стороны, Половцы новым грабительством доказали Мономаху, что он еще не сокрушил гидры. Уже варвары с добычею и с невольниками возвращались в свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли их за Сулою и выручили пленных. В следующий год отважный Боняк, захватив табуны Переяславские, приступил к Лубнам, вместе с знаменитым Вождем Половецким, старым Шаруканом. Великий Князь, Олег, Мстислав, Игорев внук, Мономах с двумя сынами перешли за Сулу и с грозным воплем устремились на варваров, которые, спасаясь бегством, оставили весь обоз свой в добычу победителю. Россияне, гнав их до самого Хороля, многих убили и взяли в плен. Сии успехи ни возгордили Олега и Мономаха, которые в том же году женили сыновей своих на дочерях Ханских. Омерзение к злобным

язычникам уступало Политике и надежде успокоить Государство хотя на малое время. Мир не продолжался ни двух лет: Россияне уже в 1109 и в следующем году воевали близ Дона и брали вежи Половецкие.

[1111 г.] Наконец Мономах снова убедил Князей действовать соединенными силами. Россияне выступили 26 Февраля и 19 Марта увидели Дон. Там воины облеклись в брони и стройными рядами двинулись к югу. 24 Марта Князья разбили варваров и праздновали Благовещение вместе с победою; но чрез два дня свирепые враги окружили их со всех сторон на берегах Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россиян в искусстве воинском. Мономах сражался как истинный Герой и быстрым движением своих полков сломил неприятеля. Сею войною заключились подвиги Россиян в бурное Княжение Святополка, умершего в 1113 году.

Владимир Мономах. 1113–1125 гг.

Князь Владимир Мономах. Портрет из «Царского титулярника»

По смерти Святополка-Михаила граждане Киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из Князей Российских должен быть Великим Князем, отправили Послов к Мономаху и звали его властвовать в столице.

Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Мономаху права свои, остались Князьями Удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины.

Сей Государь щадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть грозным для внешних и внутренних неприятелей. Сын его Мстислав, два раза победив Чудь, завладел городом Оденпе, или Медвежьей Головою, в Ливонии. Призванный отцом княжить в Белегороде, он поручил Новгородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовал воинский дух свой счастливым, но многотрудным походом в Финляндию. Меньший брат Мстиславов, Георгий, княживший в Суздале, ходил Волгою на судах в землю Казанских Болгаров, победил их и возвратился с добычею. Третий сын Мономахов, Ярополк, воевал в окрестностях Дона; пленил множество Ясов. Около сего же времени Владимир выгнал из России Берендеев, Печенегов и Торков, новых пришельцев. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем Черных Клобуков, или Черкасов, и служили Россиянам.

Успехи Мономахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире. Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Греческую Империю. Они рассказывают, что Великий Князь со многочисленным войском отправил Мстислава к Адрианополю и завоевал Фракию; что уstraшенный Алексей Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, венец, златую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимирова; что Неофит, Митрополит Ефесский, вручил сии дары Великому Князю, склонил его к миру, венчал в Киевском Соборном храме Императорским венцем и возгласил Царем Российским.

Послы византийского императора Константина вручают Владимиру Мономаху крест и знаки монаршей власти. Роспись Грановитой палаты

Шапка Мономаха

Завоеванием Минска и приобретением Владимира Мономаха утвердил свое могущество внутри Государства, но не думал переменить системы наследственных Уделов. Он хотел быть первым, а не единственным Князем Российским: покровителем России и Главою частных Владетелей, а не Государем Самодержавным. Справедливость вооружила его против хищника Глеба и Князя Владимирского: та же справедливость не позволяла ему отнять законного достоинства у Князей спокойных.

Княжив в столице 13 лет, Владимир Мономах скончался [19 Мая 1125 г.] на 73 году от рождения, славный победами за Русскую землю и благими нравами, как говорят древние Летописцы. Но всего яснее и лучше изображает его душу поучение, им самим написанное для сыновей.

«Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать

сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: он говорит несправедливо!

Страх Божий и любовь к человечеству есть основание добродетели. Велик Господь, чудесны дела Его!»

Завещание Владимира Мономаха. Гравюра Б. Чорикова

Великий Князь Мстислав. 1125–1132 гг.

Мстислав Владимирович наследовал достоинство Великого Князя. Новый Государь, уже давно известный мужеством и великодушием, явил добродетели отца своего на престоле России: имел ту же ревностную любовь к общему благу, ту же твердость, соединенную в нем, подобно как в Мономахе, с нежною чувствительностию души.

Великий князь Мстислав. Портрет из «Царского титулярника»

Важнейшее происшествие сего времени есть падение знаменитого Дома Князей Полоцких, которые издавна отделились от России, желая быть Владетелями независимыми. Мстислав решился покорить сию древнюю область Кривичей и сделал то, чего напрасно хотели его деды. Он привел в движение силы многих Князей; все они должныствовали начать военные действия в один день. Всеволод Ольгович, послушный Великому Князю, и братья его в то же время шли к Минскому городу Борисову. Изяслав взял Логожск еще ранее назначенного Мстиславом дня и спешил соединиться с дядями, обступившими город Изяславль. Там находился Брячислав, сын Бориса Всеславича, зять Мстиславов: хотел бежать к отцу, он попался в руки к своему шурину, который вел с собою многих пленных Логожан. Узнав, что сии пленники и Брячислав довольны умеренностию победителя, осажденные граждане решились сдаться, но требовали клятвы от Вячеслава, сына Мономахова, что он защитит их от всякого насилия. Клятва была дана и нарушена. Ночью, вслед за дружиною Тысячских, посланною в город, бросились все воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотели остановить их; бедных граждан отдали им в жертву. Скоро и Всеволод, старший сын Великого Князя, вступил с Новгородцами в область Полоцкую: устрешенные жители не оборонялись и выгнали своего Князя,

Давида, на место коего Мстислав дал им Рогволода, брата Давидова; а чрез два года [в 1129 г.] отправил всех Князей Полоцких в ссылку за то, что они не хотели действовать вместе с ним против Половцев. Мстислав отдал Княжение Полоцкое и Минское сыну своего Изяславу.

Мстислав по возвращении из Литвы скончался [15 Апреля 1132 г.] на 56 году от рождения, заслужив имя Великого. Он умел властвовать, хранил порядок внутри Государства, и если бы дожил до лет отца своего, то мог бы утвердить спокойствие России на долгое время.

Памятная медаль князя Мстислава

Великий князь Мстислав дает полочанам в князя Рогволда. 1128 г. Гравюра Б. Чорикова

Великий Князь Ярополк. 1132–1139 гг.

Князь Ярополк Владимирович. Портрет из «Царского титулярника»

Превосходные достоинства Мстислава удерживали частных Князей в границах благоразумной умеренности: кончина его разрушила порядок.

Граждане Киевские объявили Ярополка Владимировича Государем своим и призвали его в столицу. Согласно с торжественным договором, заключенным между ним и старшим братом, в исполнение Мономахова завещания, он уступил Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новгородский, приехав туда, чрез несколько часов был изгнан дядею, Георгием [Юрием] Владимировичем, Князем Суздальским и Ростовским, который заключил союз с меньшим братом Андреем. Великий Князь убедил Георгия выехать из Переяславля; но, чтобы успокоить братьев, отдал сию область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Таким образом слабость нового Государя обнаружилась в излишней снисходительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.